

— Думал, убежишь? — Сунь Сяо явил свой истинный лик. На его шее больше не было того бледного черепа с пустой глазницей, сочащейся зеленой жижей, как в прошлый раз. Он смотрел на Луань Чэна с жуткой ухмылкой, и в мгновение ока реальность вокруг исказилась. Знакомый учительский дом исчез, сменившись густым лесом, из которого, казалось, нет выхода.

— А ты умеешь выбирать момент, — Луань Чэн заставил себя сохранять спокойствие.

Он сжал в руке связку бабушкиных оберегов, лихорадочно соображая, как выбраться из этой ловушки.

В прошлый раз Сунь Сяо почти выпил его энергию, и только вмешательство Гу Цинхуая спасло ситуацию. Сейчас Гу Цинхуая рядом не было, и призрак явно подкараулил момент, когда парень остался один.

— Вيني свою неосторожность! Кто ж тебе виноват, что ты бросил такое надежное «крыло» и решил гулять в одиночку! — Прошипел Сунь Сяо, превращаясь в сгусток черного тумана и несясь прямо на Луань Чэна.

Луань Чэн, не раздумывая, выставил перед собой всю связку оберегов, что сплела ему бабушка!

Персиковый меч внезапно вспыхнул ярким золотом. Начертанные на нем руны чудесным образом отделились от дерева и превратились в тонкие светящиеся кольца, окружившие Луань Чэна. Нефритовая пуговица тоже засияла мягким светом, встав перед парнем подобно щиту.

Черный туман резко затормозил, но всё же с силой врезался в этот «щит». Луань Чэн услышал болезненный вскрик: «А-а!».

Сунь Сяо принял свой прежний облик, а от его макушки потянулась струйка сизого дыма. Он явно получил рану, которая не собиралась «затягиваться» в ближайшее время.

Видя это, Луань Чэн приободрился и поднял связку браслетов еще выше!

— Мать твою, да я и сам себе отличное «крыло»! — выкрикнул он и попробовал сделать шаг вперед.

Он уже добежал до ворот учительского дома; еще немного — и он окажется внутри двора. Нужно пройти метров двадцать, повернуть направо, и он сможет нащупать здание. Это ведь просто морок? Не могла же целая многоэтажка бесследно исчезнуть?

— Не спеши хвастаться, — Сунь Сяо, казалось, ничуть не беспокоило, куда там бредет его жертва.

Он внезапно снова обратился в черный туман и взмыл вверх, с бешеной скоростью мечась в воздухе. Луань Чэн не понимал, что тот затеял, но вскоре почувствовал, как воздух вокруг становится ледяным. Выражаясь языком Гу Цинхуая, концентрация Инь-энергии стремительно росла.

Вскоре изо всех щелей полезла нечисть. Луань Чэн видел лишь колышущуюся черную массу: духи наперебой бросались к нему. У одних были окровавленные пасти и подобие человеческих лиц, другие напоминали быстро текущие струи газа. У них не было плоти — лишь призрачные тени, но когда сотня таких тварей разом навалилась на него, Луань Чэна прошиб холодный пот.

Его рука лихорадочно шарила справа в надежде нащупать стену. Но стоило ему вытянуть локоть за пределы защитного круга, как духи тут же вцепились в него! Стоило любой части тела покинуть зону действия рун, как ее начинали тянуть, рвать и кусать. Места укусов мгновенно становились серыми, отзываясь невыносимой, колющей болью!

Сунь Сяо наблюдал за этим сверху, время от времени поглядывая налево. Весь двор учительского дома был закрыт особым барьером. Люди снаружи не захотели бы заходить внутрь, а те, кто внутри — не смогли бы выйти. Если Гу Цинхуай не заметит неладное, Луань Чэн сегодня обречен!

Парень всё еще блуждал в призрачном «лесу». По его расчетам, он уже должен был стоять вплотную к дому, но стены под рукой всё не было. К тому же светящиеся кольца персикового меча под градом атак начали блекнуть, словно силы амулета были на исходе. Обереги, вплетенные бабушкой в красные нити, один за другим темнели и рассыпались в прах. В конце концов остались лишь сам меч и нефритовая пуговица, отчаянно державшие оборону.

Пот катился по лицу Луань Чэна. В этот момент он не думал ни о чем, кроме желания выжить.

И тогда он, повинувшись какому-то наитию, задрал голову к небу и закричал во всю глотку:

— Гу Цинхуай!

Тот его не услышал, зато в этот самый миг кольцо рун и световой щит с треском лопнули! Луань Чэн отчетливо услышал этот звук: «Хрусть! Хрусть!» Почуввав свободу, призраки с безумным ревом кинулись к его телу, словно соревнуясь, кто первым завладеет им. Быстрее всех неслась зловещая тень в алых одеждах. Луань Чэн от ужаса зажмурился.

Однако, вопреки ожиданиям, боли не последовало. Напротив, в груди внезапно разлилось странное тепло...

— Не паникуй, — Луань Чэну почудился голос Гу Цинхуая. Низкий, спокойный, обладающий способностью мгновенно умиротворять душу.

Он резко открыл глаза. Гу Цинхуая рядом не было.

Но Луань Чэн увидел, что в районе его собственного сердца сияет пурпурно-золотой свет. Казалось, прямо в его тело впечатан светящийся талисман, лучи которого прошивали его насквозь, расходясь вперед и назад.

В мгновение ока зрение прояснилось. Исчез бесконечный лес, исчезли полчища духов. Даже Сунь Сяо как сквозь землю провалился. Слева — стоянка, справа — дом. Всё это казалось сном, если бы не пепельно-серая «рана» на правой руке.

Услышав знакомые шаги, Луань Чэн повернул голову: из подъезда неспешно выходил Гу Цинхуай. Всё заняло считанные секунды, да и свет был тусклым, но Луань Чэну показалось, что в этот миг он видит соседа четче, чем когда-либо. Стройная фигура, резкие черты лица, глубокие серо-голубые глаза и мягкие пряди волос. Всё было... именно так, как надо. Он вдруг подумал, что предсказание того медного таза о суженых, возможно... правда.

— Ты... ты слышал, как я тебя звал? — Луань Чэн еще не до конца пришел в себя, и голос его предательски дрожал. Но он чувствовал: даже если он сейчас грохнется в обморок, он обязан получить ответ на этот вопрос.

— Нет, — Гу Цинхуай даже не взглянул на него. Засунув руки в карманы, он подошел к велосипедной стоянке и пнул в сторону какой-то невзрачный камень, затем дошел до ворот и подобрал невесть кем оставленную маленькую курильницу для благовоний. Покончив с этим, он вернулся к подъезду.

Он не стал сразу заходить внутрь, а окинул Луань Чэна взглядом:

— Ты ранен?

— Угу, — Луань Чэн вытер пот, чувствуя во всем теле жуткую слабость. Стоило ему сделать шаг, как ноги подкосились.

— Осторожно, — Гу Цинхуай подхватил его под локоть, но тут же отпустил.

— Спасибо, — Луань Чэн указал на рану на руке. — Ты знаешь, что с этим делать?

— ...Идем за мной, — Гу Цинхуай вошел в подъезд.

Бай Ю и Мин Юэ не было видно. Луань Чэн вошел за соседом в 301-ю квартиру. Гу Цинхуай вымыл руки, ушел в спальню и вынес оттуда деревянный ящичек. Размером с коробку из-под обуви, украшенный резьбой в виде облаков, он выглядел очень старым и изысканным.

Луань Чэн сидел на диване, наблюдая, как Гу Цинхуай открывает ящик, достает кисть, лист желтой бумаги и нечто похожее на футляр для печати — фиолетовый, керамический и довольно симпатичный. Гу Цинхуай разложил бумагу размером с ладонь, обмакнул кисть в содержимое футляра (похожее на густую зеленую слизь) и принялся выводить руны.

В этот момент Гу Цинхуай был предельно сосредоточен. Луань Чэн заметил, что иероглифы на талисмানে получались крошечными и невероятно сложными; казалось, стоит на секунду отвлечься — и всё испорчено. Луань Чэн завороженно наблюдал за процессом до тех пор, пока сосед не отложил кисть.

Талисман показался ему смутно знакомым.

Гу Цинхуай поджег бумагу от благовоний, а затем полил пепел небольшим количеством водки.

— Протяни руку, — Гу Цинхуай взял стаканчик с получившейся смесью и, помедлив, добавил: — Будет больно.

— Где ты этому научился? — спросил Луань Чэн, протягивая руку.

Но стоило лекарству коснуться раны, как послышалось шипение: «Пш-ш-ш!».

— С-с-с! Больно-больно-больно! — он зашипел от боли и принялся отчаянно дуть на руку.

— Раз больно, зачем в одиночку в супермаркет поперся?

— Пф-ф, так ты же сам был не в духе. Даже Бай Ю не разрешил со мной пойти. Ты так явно демонстрировал свое нежелание общаться, что навязываться было бы совсем глупо, — Луань Чэн продолжал дуть на рану и заметил, что после воды с пеплом талисмана из пореза начала сочиться серая жидкость. — Фу, это еще что? Гадость какая.

— Скверна, — Гу Цинхуай протянул ему салфетки. — Не мочи рану. Если всё будет нормально, через три дня заживет.

— Спасибо, — Луань Чэн вытирал серую жижу, пока она не перестала течь, и только тогда окончательно расслабился.

Он посмотрел на свои обереги. От них остался лишь обгоревший персиковый меч и почерневшая нефритовая пуговица с глубокой трещиной.

— Они еще пригодны? — спросил Луань Чэн.

— Можешь оставить на память, но защитить они больше не смогут. По сути, теперь это просто мусор, — Гу Цинхуай убрал бумагу и «чернила». — Можешь сказать, кто тебе их дал?

— Могу. Но у меня встречный вопрос. Я отвечу тебе, а ты ответишь мне, по рукам?

— По рукам.

— Обереги сплела бабушка. А мой вопрос... — Луань Чэн отвернулся, уставившись в обивку дивана, чтобы скрыть смущение. — Тот медный таз... ты ведь знаешь, что это за вещь на самом деле?

— ...Да, — коротко выдохнул Гу Цинхуай.

— Я так и думал! — Луань Чэн принялся копать обивку дивана еще яростнее. — А я-то гадал, с чего ты вдруг ведешь себя так, будто таблеток не тех объелся. Надеюсь, ты не гомофоб?

— Не до такой степени, — Гу Цинхуай слегка нахмурился. — ...Ты сейчас его до дыр проковыряешь.

— А? — Луань Чэн обернулся к соседу, а затем проследил за его взглядом.

Точно: в том месте, где он усердно работал ногтями, на диване образовались две приличные вмятины.

— Ой, прости! — Луань Чэн попытался загладить кожу ладонью, но вышло не очень успешно. Желая поскорее замять неловкость, он сменил тему: — А где Бай Ю и Мин Юэ?

— Сунь Сяо в одиночку не смог бы повернуть такое масштабное дело. Они пошли проверить, кто на самом деле стоит за всем этим, — Гу Цинхуай поднялся. — У тебя есть еще вопросы?

— Ты что, меня выгоняешь? — Луань Чэн задрал голову.

Его мокрые от пота волосы слиплись в пряди, и сейчас он напоминал взъерошенного, но жалобного медвежонка.

Гу Цинхуай: — ...

— Ладно, последний вопрос, — Луань Чэн тоже встал. — Мне нужно пересаживаться?

— Нет.

Луань Чэн кивнул и направился к выходу.

У самой двери он снова замер: — Слушай, сосед, можно еще кое-что спросить?

Гу Цинхуай молча смотрел на него.

— Ты... берешь учеников? — выпалил Луань Чэн.

<http://bllate.org/book/16943/1574732>